

Врасписании конференции, как оказалось, произошли изменения. Доклад, который был поставлен первым на это утро, перенесли на завтра. А второй доклад начинался сегодня в половине двенадцатого... Словом, у Льва неожиданно появились полтора часа свободного времени.

И он решил вернуться в номер, чтобы еще раз посмотреть основные аспекты своего выступления, запланированного на сегодняшний вечер.

По лестнице поднялся на свой этаж и тут обнаружил, что в номере полным ходом идет уборка — дверь распахнута, где-то в глубине гудит пылесос, а рядом, в коридоре, стоит специальная тележка с ведром, моющими средствами и черным пластиковым мешком для сбора мусора.

«И что теперь? — недовольно подумал Лев. — А, ладно, какая разница...»

Он шагнул в номер. Балконная дверь была распахнута и раскачивалась из стороны в сторону, утренний свет дробился о стекло, а по стенам весело летали солнечные зайчики.

Горничная пылесосила пол на балконе, задевая дверь шлангом.

Лев достал свой ноутбук из сумки, сел в кресло, но не успел даже раскрыть компьютер — как горничная вернулась в номер, волоча за собой пылесос.

— Ой... Я не побеспокою? Доброе утро! — смущенно произнесла она. — Хотите, потом загляну...

— Доброе утро! Ничего, вы мне не мешаете, — благодушно отозвался Лев. — Давайте так — я на балкон перейду, а вы дальше номер спокойно убирайте.

— Конечно-конечно, — пролепетала горничная, не глядя Льву в глаза.

Чуть выше среднего роста, молодая, довольно-таки худая, с узким длинным лицом, пылающими щеками — она казалась очень неуклюжей и робкой и почему-то напомнила Льву жеребенка, наверное, дерганой грацией своих движений. На ней свободно висел форменный темно-синий комбинезон, поверх — фартук вишневого цвета, а на голове — косынка, завязанная концами назад.

Словом, это была обычная горничная. Обслуживающий персонал, на который не принято обращать внимания... И Лев и не обратил бы, если бы не жгучий румянец на щеках молодой женщины. Вот чего она так смутилась? Хотя есть люди закрытые и стеснительные, интроверты по складу характера, для которых любой контакт с окружающими кажется мучительным, и даже дежурные слова вроде приветствия они из себя с трудом выдавливают... Ну да ладно, чего об этом думать, бессмысленное и пустое занятие, гадать, что творится в головах у других людей.

Лев расположился на балконе — сел на плетеный стул, ноутбук положил перед собой на стеклянный столик.

Но работать не смог. Солнце светило столь ярко, что экран безжалостно бликовал, глаза невольно щурились.

...Ранняя осень, начало сентября. Еще тепло, градусов пятнадцать сейчас, а днем, наверное, и все двадцать будет?

За оградой балкона, на уровне глаз, лениво покачивалась верхушка рябины. Пожалуй, если протянуть руку, то можно дотянуться до гроздьев ягод — тяжелых, желто-рыжих, уже начинающих потихоньку краснеть. Как там народная примета гласит... Много ягод на рябине — к холодной зиме?

Впрочем, о зиме в этот теплый, светлый день, с этим прозрачным, хрустальным даже, почти неподвижным воздухом — меньше всего думалось. Невозможно представить, что месяца через два-три наступят морозы, листья облетят, и уже потемневшие, пунцово-алые гроздья, припорошенные снегом, будут покачиваться на фоне тусклого, серого неба.

Опять загудел пылесос.

Лев повернул голову — сквозь распахнутую балконную дверь хорошо просматривалось, как горничная прибирается в номере.

Надо заметить, девушка делала это сосредоточенно и умело. Пропылесосила палас, принялась оттирать стол. Все быстро, экономными, энергичными движениями. Уж чего-чего, а наводить порядок ей удавалось.

Горничная не выглядела красоткой. Так, свежесть молодости и стройность, больше она ничем не могла заинтересовать мужчину. Ну да, таилось нечто манкое в ее застенчивости, но это, пожалуй, на любителя.

Лев себя любителем подобного типажа не считал. Тем более любителем интрижек с обслуживающим персоналом никогда не был. И не потому, что думал о себе как об особо значительной персоне, принце каком-то... Какой он, к черту, принц, не смешите. Мужчина средних лет, не бизнесмен, не олигарх — ведущий инженер на одном из известных московских заводов, сюда приехал на конференцию по электроэнергетике. Обычный командированный, по сути. Но опускаться до гостиничных интрижек... Тем более что в номер вчера уже позвонили по городскому телефону, спросили бесцеремонно: «Девушка не нужна?»

Провинция, что с нее взять. Простота хуже воровства. Хотя какого сервиса ждать от маленького городишки под названием Электрозаводск, что часах в пяти езды от Москвы.

В этом городишке еще с дореволюционных времен стоял завод по производству электрооборудования. В советский период активно выпускал продукцию, затем, в перестроечные времена, захирел, сбавил обороты, половину площадей сдал торговцам и всяким фирмочкам... И лишь лет десять назад вновь стал работать в полную силу.

А сейчас и вовсе — в городе собирались построить новый заводской корпус, расширить производственные мощности, увеличить выпуск электрооборудования. На открытие нового корпуса (которое назначили на осень следующего года) намечались грандиозные торжества, и даже, говорят, ожидали визита Президента. Как иначе-то... Страна возрождалась, вновь заработала промышленность, и Лев при полной неперспективности избранной профессии (в

начале своего пути) — вдруг оказался человеком нужным и важным. Во всяком случае, уж на голову выше офисного планктона, однообразно-креативных «дезигнеров» и перепродающих китайские товары «манагеров».

Вот, собственно, именно об этом и думал Лев, наблюдая за горничной, прибирающей в номере. Как ей не скучно?.. Нет, все работы хороши, главное — не трутнем на диване валяться, но каждый день стелить постели и пылесосить паласы...

«Хотя, с другой стороны, стелить постели и пылесосить — самое что ни на есть женское дело!» — тут же возразил сам себе Лев. Нормальная и уютная профессия. И пусть, пусть вопят феминистки, что нельзя делить профессии на мужские и женские, но — негласно — неравенство будет существовать всегда. Иначе неинтересно. Иначе нет драматизма, драйва, нет эмоций. Иначе скучно.

И никакой Лев не сноб, он не ставит мужчин выше женщин, или наоборот, он сам умеет убирать и пылесосить, жизнь заставила. Дело в другом. Он, наверное, не смог бы полюбить женщину с мужской профессией.

На курсе в вузе человек семь из группы были женского пола. Нормальные девчонки, до сих пор они друзья все. Но именно друзья, однокурсницы не стали для него чем-то большим.

Потому что ему всегда нравились женщины нежные, тонкие. Занимающиеся чем-то таким... неприятательным. Простым и милым. Домашним хозяйством! Это так трогательно. А вот если девушка рисует трансформаторы в 3D-проекции и рассуждает о реакторах... как-то не то. Не романтик.

Так что получается, эта особа с пылесосом и тряпкой — вполне на своем месте. И работа у нее самая что ни на есть женская. Да и девушка, если присмотреться, вообще симпатичная, если бы не мешковатая форма и простецкая косынка на голове! За этой горничной приятно наблюдать. Да, да, а что такого, почему бы Льву не полюбоваться на хорошенькую женщину, он же не собирается к ней клеиться?

Лев уже откровенно глазел на горничную.

А она не замечала, что он на нее смотрит, поскольку солнечный свет лился в комнату из окон, как раз прямо ей в лицо — если бы она вздумала посмотреть на Льва. Она инстинктивно отворачивалась от окон.

Протерла открытые полки у шкафа. Запястьем (руки в резиновых перчатках) провела по лбу, вероятно, чтобы смахнуть капельку пота, и нечаянно сдвинула косынку назад.

У горничной, оказывается, под косынкой прятались рыжие волосы. Яркие, словно медь. Краснова-то-рыжие. Заплетенные в косу. Интересно, свои или крашенные? Нет, наверное, свои... Только рыжие могут быть такими белокожими, легко краснеющими.

Она не просто симпатичная, эта девушка. Она красавица, надо признать.

Горничная, стоя перед зеркалом, висевшим на стене, снова повязала косынку. И тут же принялась протирать стекло.

Лев смотрел уже не на нее, а на ее отражение в зеркале. Тонкое, узкое лицо, скрытое полутьмой — черты его только угадываются, зато видно, как солнце сияет в выбившихся из-под косынки волосах.

У Льва возникло странное ощущение, словно струну какую-то внутри у него потянули. Струну, проходящую через все его тело. Будоражит оно, это незримое прикосновение, всю его мужскую суть...

«А ведь я как будто ее знаю, — неожиданно подумал Лев. — Я ее видел когда-то. Ну да, точно. Я ее видел, поскольку ее лицо мне определенно знакомо. И то, что она рыжая, я тоже сразу понял, поскольку *знал* ее. Ну, не буквально знал, но точно видел ее когда-то!»

Только вот где он встречал эту горничную, когда, при каких обстоятельствах — Лев, хоть убей, вспомнить не мог.

Трель мобильного в кармане. Горничная, вероятно, тоже услышала этот звук, на миг повернулась, прищурилась на солнце. И стали заметны бледные веснушки на ее скулах.

Лев не без труда стряхнул с себя оцепенение и выхватил из кармана телефон. Звонила Наташа.

— Алло, Левушка, я тебя не отвлекаю? — прозвучал в трубке хриловатый, звонкий голос его невесты.

— Привет, киса... — машинально отозвался Лев. Тут же сморщился — эх, зачем он при горничной так рассекретился... Теперь ей ясно станет, что он — не свободен. Хотя, что значит — зачем рассекретился?! Он же не собирался с этой рыжей шуры-муры крутить! Сглотнув, Лев добавил: — У меня как раз свободная минута. Как дела?

— Хорошо, — сказала Наташа. — Я забыла спросить — ты сегодня выступаешь?

— Да, но позже. Завтра еще один день здесь. А потом, в субботу утром, рано, выезжаю.

— Все-таки сегодня, я не ошиблась. Левушка, ты молодец. Я за тебя кулачки держать буду.

— Спасибо, киса... — улыбнулся Лев, хотя его и покоробили несколько эти «кулачки».

— Ну все, до встречи.

— До встречи... киса.

На этом разговор закончился. Их телефонные переговоры с Наташей всегда отличались краткостью.

Итак, горничная слышала этот разговор. Слышала, как он кого-то называет «кисой»... Жаль. А прикольно было бы пригласить девушку в кафе этим вечером, например. Или завтра! Интересно, она бы согласилась? Теперь уж вряд ли. Зачем нормальной женщине несвободный командированный?..

Мужчина захлопнул ноутбук, вернулся с балкона в комнату.

Горничная, сняв резиновые перчатки, уже катила пылесос к дверям.

— Всего доброго, — по-прежнему не глядя на Льва, смущенно, едва слышно пробормотала она.

— Всего доброго, — отозвался Лев. — Номер прямо блеснит. Вас как зовут?

Горничная повернулась, рукой поправила, перевернула бейджик, висевший у нее на груди. «Вера», — было написано на нем.

— Спасибо, Вера, — сказал Лев. Но поблагодарил он горничную машинально, а сам при этом чувствовал разочарование. Дело в том, что когда она поправляла бейджик, на ее левой руке, на безымянном пальце, блеснуло обручальное кольцо.

Дверь захлопнулась. Еще через пару минут загудел пылесос в соседнем номере.

Лев полез в кошелек, достал из него купюру. Потом убрал обратно. Сейчас он уже опоздал. Вера появится тут только следующим утром. Надо будет завтра оставить деньги в номере, на видном месте. Чаевые для горничной. Это нормально. Это не должно ее унижить. Наоборот, чаевые должны обозначать, что он доволен ею. Вернее, ее работой.

Но в кафе эту Веру теперь уже точно не пригласишь. Она замужем, это раз. И она сама, своими ушами слышала, что и он не свободен. Киса... Понятно, что так можно называть только любимую женщину. Наверное, горничная Вера думает, что и он женат. Это два.

Киса. Какая пошлость. Киса... И ведь не вытравишь теперь из сознания эту «кису», раз с самого начала так Наташу привык называть. Впрочем, что плохого в этом обращении? И он тоже хренью какой-то сейчас занимается, жалеет, что рыженькую горничную не удалось закадрить. О работе надо думать!

— ...электричество поступает в наш дом по проводам. Протяженные линии электропередачи, разнообразные виды кабелей, сеть подстанций — это целая система жизнеобеспечения каждого города, от слаженной работы которой зависит все. И движение поездов, и переключение светофоров, и любые виды связи, — так начал свой доклад Лев. Он знал, что на этой конференции собрались в основном специалисты, но небольшая часть публики относилась совсем к другим, смежным отраслям производства. А значит, нуждалась в некоторых разъяснениях. Вообще, хороший профессионал должен быть популяризатором своего дела. — Так вот, — продолжил Лев. — Обе-

спечить нормальную работу этой системы призваны трансформаторы — приборы, которые выпускает наш головной электрозавод в Москве, представителем которого я являюсь здесь. Но необходимо расширять производство, поскольку больше половины реакторно-трансформаторного оборудования в нашей стране устарело. Оборудование нуждается и в реконструкции, и в полной замене порой. Причем важно наладить выпуск самых разнообразных агрегатов — размер которых варьируется от небольшой коробки до двухэтажного дома. Уже введено около пятидесяти тысяч новых мощностей, но этого мало...

После Льва выступал еще один докладчик, Ковальчук Вадим Денисович — директор местного электрозавода, который являлся филиалом московского, и суть доклада сводилась к тому, что после открытия нового корпуса потребности страны в электрооборудовании значительно сократятся.

Словом, пока еще шла общая часть, формально-официальная, дальше должно стать интереснее. Так оно и случилось — после небольшого перерыва, докладчики ударились в конкретику, начался обмен опытом, прения и полемика...

Ужинал Лев в местном ресторане в компании Ковальчука и еще нескольких представителей заводов, располагавшихся в различных регионах России. Опять спорили, в основном о том, нужно ли нарабатывать свой, уникальный опыт или положиться на разработки иностранных партнеров...

Следующим утром Лев покинул свой номер с утра пораньше и перед тем не забыл положить на разобранную постель пятисотрублевую купюру. Пожалуй,

многовато для того, чтобы отблагодарить горничную, но Лев не знал других способов сделать приятное рыжеволосой Вере.

Вернулся в обед, обнаружил номер чистым и прибранным. Но деньги Вера не взяла, переложила купюру на стол. Лев даже испытал разочарование и досаду. Почему не взяла? Слишком гордая? Мало дал? Ничего себе мало! Или... или она почувствовала, что постоялец ищет ее внимания? Такие женщины, как Вера — пугливые и скрытные, — обычно все тонкости человеческих отношений чувствуют...

Да, точно. Вера слышала, как он разговаривает с Наташей, и решила пресечь всякие попытки ухаживания с его стороны. Слишком большие чаевые — это попытка ухаживания. Или все дело в ее муже? Она любит мужа, она не позволяет себе интрижек с постояльцами...

А, нет. Все и проще, и сложнее. Вера не имеет права конкурировать с гостиничными «жрицами любви»... Разделение труда тут у них!

Лев поморщился брезгливо, глядя на купюру, валявшуюся на столе. Потом вдруг вспомнил, как Вера вчера перед зеркалом поправляла косынку. Узкое, строгое, иконописное лицо, солнце запуталось в волосах, словно нимбом окружило голову... Как она краснела, как она едва находила в себе силы говорить с ним... И он смеет думать плохо об этой застенчивой милой молодой женщине?!

«Стоп. Что я к этой Вере привязался? — с неожиданной злобой, но теперь уже на самого себя подумал Лев. — У меня Наташа, у Веры этой — муж, я завтра вообще отсюда уезжаю, в Москву... Я эту горничную